

Моему сыну Колби, благодаря которому
я каждый день вспоминаю, что мир
прекрасен. Благослови тебя Бог!

*История, которая захватывает дух
и питает душу.*

Пауло Коэльо

Робин Шарма вывел невероятно изящную формулу достижения подлинного успеха. В этой книге мудрость веков причудливо переплетается с реалиями современной жизни. Я не мог оторваться от нее.

*Джо Тай, автор бестселлера
«Не бойтесь бросить курить»*

Изумительная книга! Робин Шарма — это второй Ог Мандино.

*Дотти Уолтерс, автор бестселлера
«Говори и богатей»*

Потрясающая история, которая учит тому, как вы можете сделать вашу жизнь по-настоящему богатой.

*Кен Веготски, автор бестселлера
«Совершенная мощь»*

Робин Шарма придумал очаровательную сказку, в которой есть все ключи к счастливой жизни. Восхитительная книга! Она изменила мою жизнь.

*Элейн Сент-Джеймс, автор бестселлера
«Живите просто»*

Эта история — увлекательное и необычное путешествие по глубинам собственного «я». Она учит тому, что такое подлинная эффективность и подлинное счастье. Это настоящая сокровищница мудрости, из которой может черпать любой желающий.

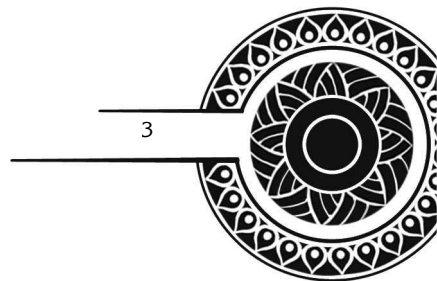
*Брайан Трейси, автор бестселлера
«Успех по максимуму»*

Послание Робина Шармы может изменить жизнь каждого из нас. Это единственный в своем роде учебник по обретению душевного покоя.

Скотт Де Гармо, издатель

Я настоятельно рекомендую эту книгу всем, кто заинтересован в личностном росте и повышении профессионального мастерства.

*Питер Хансон, доктор медицинских наук,
автор бестселлера «Радость и Стресс»*

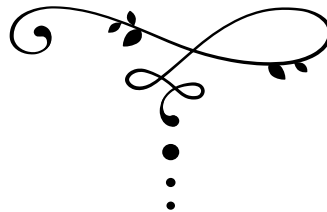

Robin
Sharma

The *Monk*
WHO SOLD
HIS FERRARI

A Fable About Fulfilling Your Dreams
and Reaching Your Destiny

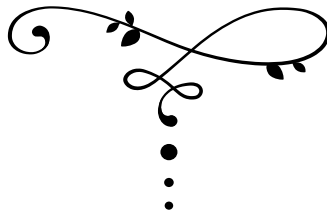

Робин
Шарма

Монах,
который продал
свой феррари

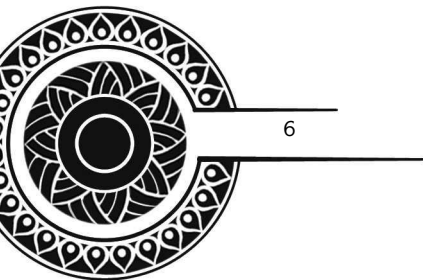
История об исполнении желаний
и поиске своего предназначения

АСТ
Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Звонок к пробуждению	9
Глава вторая. Загадочный гость.	17
Глава третья. Невероятное преобразование Джулиана Мэнтла . . .	23
Глава четвертая. Удивительная встреча с монахами Сиваны	35
Глава пятая. Ученик великих мудрецов.	39
Глава шестая. Тайна духовного преображения.	45
Глава седьмая. Самый волшебный сад на земле	55
<i>Суть проповеди Джулиана в двух словах.</i>	
<i>Древняя мудрость Сиваны</i>	81
Глава восьмая. Зажги огонь духа!	83
<i>Суть проповеди Джулиана в двух словах.</i>	
<i>Огонь Духа.</i>	97
Глава девятая. Древнее искусство самосовершенствования	99
<i>Суть проповеди Джулиана в двух словах.</i>	
<i>Зерно совершенства</i>	137

Глава десятая. Сила самоконтроля	139
<i>Суть проповеди Джулиана в двух словах.</i>	
<i>Важность самоконтроля</i>	149
Глава одиннадцатая. Самый ценный дар судьбы	151
<i>Суть проповеди Джулиана в двух словах.</i>	
<i>Время как величайший дар судьбы</i>	163
Глава двенадцатая. Истинный смысл существования	165
<i>Суть проповеди Джулиана в двух словах.</i>	
<i>Обретение смысла жизни</i>	171
Глава тринадцатая. Тайна вечного блаженства	173
<i>Суть проповеди Джулиана в двух словах.</i>	
<i>Обретение Нирваны</i>	184
Благодарность от автора	186
Об авторе	190

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗВОНОК К ПРОБУ- ЖДЕНИЮ

*Жизнь для меня — не жалкий ога-
рок, а великолепный факел, дарованный
лишь на короткое время. И перед тем как
отдать его будущим поколениям, я дол-
жен возжечь этот факел как можно ярче.*

— Джордж Бернард Шоу

Он рухнул на пол посреди переполненного зала суда. Он, один из самых знаменитых и влиятельных адвокатов страны. Он, прославившийся как своими итальянскими костюмами по три тысячи долларов, плотно стискивающими его грузное тело, так и бесчисленными блестящими судебными победами.

Меня словно парализовало. Великий Джулиан Мэнтл ныне сам находился в роли потерпевшего и барахтался на полу, как беспомощный младенец. Лоб покрывала испарина, тело сотрясала дрожь. Все дальнейшее происходило, словно в замедленной съемке. «Господи, Джулиану плохо!» — закричала его помощница, констатируя то, что все давно поняли. Судья с растерянными видом что-то быстро говорила по телефону, установленному у нее на экстренный случай. Я оставался в ступоре. Только не умирай, старый дурак. Ты еще не отыграл свое. Ты не заслужил такой смерти.

Пристав, застывший поначалу как мумия, вдруг сорвался с места и начал делать искусственное дыхание павшему на поле боя герою правосудия. Его помощница склонилась над ним, и ее длинные светлые волосы касались его рубиново-красного лица. Она лепетала нежные слова утешения, слова, которых он слышать уже не мог.

Я знал Джулиана уже семнадцать лет. Я познакомился с ним, когда еще учился на юрфаке. Один из его партнеров взял меня стажером на лето. Уже тогда Джулиан блистал как адвокат, был красив, отважен и мечтал о громкой славе. В своей конторе он слыл восходящей звездой с многообещающим будущим. До сих пор не могу забыть, как однажды, заработавшись допоздна, я осторожно заглянул в его по-царски шикарный угловой кабинет. Мой взгляд упал на дубовый стол, на изречение Уинстона Черчилля, стоящее там в рамке. Выбор цитаты многое объяснял в личности Джулиана.

Я уверен, что сегодня мы — хозяева собственной судьбы, что стоящие перед нами задачи нам по плечу, что у нас есть силы претерпеть все предстоящие испытания. Пока у нас есть вера в наше дело и несокрушимая воля к победе, судьба будет на нашей стороне.

Эти слова Джулиан подтверждал делами. Он обладал железной волей, напористой энергией и жесткой хваткой. Он считал себя обреченным на успех, ради которого был готов работать по восемнадцать часов в сутки. От кого-то я слышал, что его дед был видным сенатором, а отец — весьма уважаемым судьей Федерального суда. Сын влиятельных родителей, Джулиан нес на своих плечах, неизменно

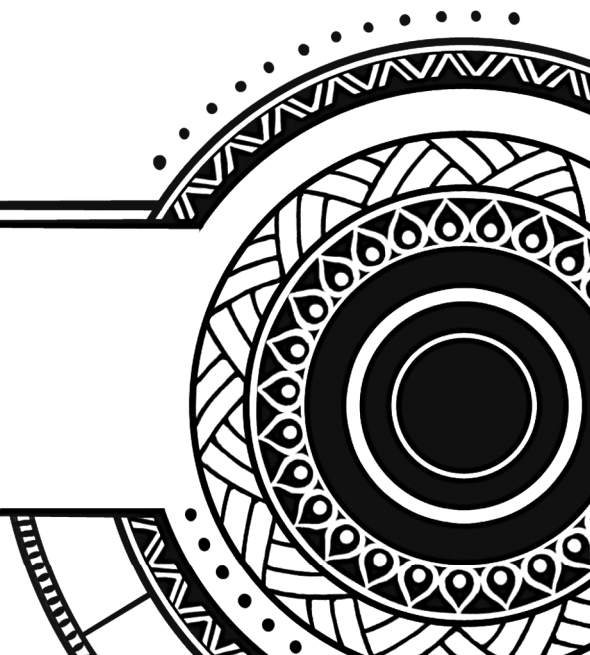
облаченных в пиджаки от Армани, бремя семейных надежд. Но, надо признаться, свою судьбу он выбирал сам. И решительно шел собственным путем, обожая устраивать шоу.

Первые полосы газет пестрели заголовками о его эпатажных выходках в зале суда. Богачи и знаменитости неизменно обращались к нему, когда им нужен был высококлассный юрист с превосходной тактикой и воинственными манерами.

Вне судебных стен Джулиан вел себя не менее вызывающе. В нашей конторе ходили легенды о его полночных визитах в лучшие рестораны города с обольстительными молоденькими моделями, о сумасшедших вакханалиях в компании крикливых брокеров, которых он называл не иначе, как своей «бандой».

Тем летом он выступал адвокатом в деле о громком убийстве. До сих пор остается тайной, почему из всех стажеров в качестве помощника он выбрал меня. Может быть, потому, что у нас была общая «альма-матер»? (Я закончил тот же, что и Джулиан, факультет Гарвардского университета.) Но я, конечно, не был самым ярким стажером в фирме, да и не мог похвастаться родословной, включающей принцев голубых кровей. Мой отец, в прошлом морской пехотинец, всю жизнь проработал охранником в банке. Мама вне всякой роскоши выросла в Бронксе. Тем не менее из всех претендентов, жаждущих стать его мальчиком на побегушках в этом деле, названном «Процессом века», он выбрал именно меня. Джулиан, правда, обмолвился как-то, что ему понравился мой «голодный взгляд». Мы, естественно, выиграли тогда, и предприниматель, обвиненный в жестоком убийстве своей жены, стал свободным человеком — настолько, насколько ему это позволяла совесть (ну, или то, что от нее осталось).

*Пока у нас есть вера в наше дело
и несокрушимая воля к победе,
судьба будет на нашей стороне.*

То лето оказалось богатым на уроки. Я узнал, как на пустом месте можно посеять вполне обоснованное сомнение. Ведь если ты адвокат, то именно за это и получаешь свои деньги. Но еще это были уроки психологии победителя и бесценная возможность наблюдать мастера в игре. Я все впитывал как губка.

Затем Джулиан пригласил меня остаться в его конторе в качестве партнера. Между нами довольно быстро установились дружеские отношения — хотя, скажу честно, работать с ним было совсем не просто. Роль его помощника оказалась довольно нервной: Джулиан нередко срывал на мне раздражение и злость. И это был его фирменный стиль. Он считал себя непогрешимым. Но под внешней железной оболочкой скрывался человек, который заботился и о людях. Как бы он ни был занят, он всегда находил минутку, чтобы поинтересоваться, как там Дженни — женщина, которую я до сих пор называю своей невестой, несмотря на то, что мы поженились еще до моего поступления на юрфак. Узнав от другого стажера, что я нахожусь в стесненных обстоятельствах, Джулиан выбил для меня щедрую стипендию.

Да, он умел проводить жесткие атаки в борьбе с соперником, любил прожигать жизнь, но никогда не оставлял своих друзей в беде. Его настоящая проблема заключалась в том, что Джулиан был буквально одержим работой.

Несколько первых лет, безвылазно сидя в конторе, он еще оправдывался тем, что делает это «на благо фирмы», и следующей зимой непременно возьмет месяц отдыха и махнет на Каймановы острова. Однако время шло, слава Джулиана как блестящего адвоката умножалась; но росла и профессиональная нагрузка. Его приглашали вести все более серьезные и запутанные дела, и Джулиан, никогда не отступавший, неизменно принимал эти вызовы. В редкие минуты отдыха он признавался, что в течение многих лет спит не более двух часов в сутки. Спать дольше ему не позволяет совесть, ведь на столе стопки судебных документов.

Мы сами сделали себя рабами времени.

Вскоре я понял, что он полностью захвачен жадой большего — большего престижа, большей известности и больших денег.

В результате Джулиан не просто достиг успеха. Он добился всего, о чем большинство людей не могут даже мечтать. Он стал настоящей звездой в своей области с семизначным годовым доходом, владеющим великолепным особняком в районе, где жили знаменитости; в его распоряжении всегда был личный самолет, резиденция на тропическом острове; и — главная гордость — сияющий красный «феррари», припаркованный посреди дорожки, ведущей к особняку.

Однако я знал, что все далеко не так лучезарно, как могло бы показаться со стороны. На его лице появлялась печать обреченности. Я замечал это не потому, что обладал сверхпроницательностью по сравнению с остальными работниками конторы. Просто я чаще находился рядом. Мы были неразлучны, потому что всегда работали. Игра никогда не кончалась. Не успевало закончиться одно дело, как на горизонте появлялось другое. Джулиан не видел предела совершенству. Что будет, если судья, не дай Бог, задаст тот или иной вопрос? Достаточно ли мы раскопали, чтобы ответить на него? Что случится, если посреди слушаний его застигнут врасплох, как оленя, попавшего в лучи автомобильных фар? Поэтому мы работали на пределе возможностей, и меня так же, как и его, затыгивало в черную дыру работы. Мы сами сделали себя рабами времени, навечно поселившись на шестьдесят четвертом этаже небоскреба из стекла и бетона. В то время как все здравомыслящие люди наслаждались семейным уютом, мы, ослепленные призраком успеха, думали, что поймали за хвост птицу счастья.

Чем больше времени я проводил с Джулианом, тем отчетливее осознал, что он все глубже и глубже загоняет себя в могилу, словно повинуетя какому-то неумолимому року. Ничто не могло удовлетворить его до конца. Поэтому его брак потерпел крушение, он разорвал отношения с отцом; и, хотя его материальному богатству мог бы позавидовать любой, ему все еще чего-то не доставало. Он был истощен эмоционально, физически и — духовно.

В свои пятьдесят три года Джулиан выглядел так, словно ему под восемьдесят. Его лицо бороздили глубокие морщины — такую цену платил он за свое знаменитое правило «пленных не брать!», многолетний стресс и беспорядочный образ жизни. Обильные ужины за полночь в дорогих французских ресторанах, толстые кубинские сигары, привычка глушить коньяк рюмку за рюмкой — все это привело к тому, что он безбожно растолстел. Он все чаще жаловался на недомогания, говорил,

что ему надоело быть больным и уставшим. Он утратил чувство юмора, и, казалось, больше ничто не заставит его рассмеяться.

Его жизнерадостность сменилась замогильной мрачностью. Полагаю, он утратил какой-то главный ориентир. Но самое грустное — он утрачивал свою знаменитую хватку. Если раньше он приводил в восторг всех присутствующих своим аргументированным и ярким красноречием, то теперь он порой по несколько часов мог бубнить что-то бессвязное о случаях, которые не имели никакого отношения к конкретному разбирательству. Его изящные реплики на возражения противоположной стороны уступили место едкому сарказму, раздражавшему даже тех судей, которые раньше считали его гением защиты. Короче говоря, звезда Джулиана клонилась к закату.

И причина заключалась не только в лихорадочном темпе жизни, преждевременно загонявшим его в могилу. Причина лежала гораздо глубже. Это был духовный надлом. Почти каждый день он сетовал на то, что в нем больше нет страсти, внутри и вокруг — одна пустота.

Джулиан рассказывал, что в молодости он по-настоящему любил юриспруденцию, и выбрал ее не только потому, что положение его семьи позволило ему взять быстрый старт. Его завораживали тонкости права, предлагавшие ему сложные интеллектуальные задачи. Они наполняли его энергией. Особенно же его вдохновляло то, что с помощью Закона можно изменить мир. Это-то и отличало его от остальных представителей золотой молодежи Коннектикута. Он был уверен, что его дар — это оружие, с помощью которого он сражается на стороне добра. В этом и заключался смысл его жизни. Это освещало его путь и дарило надежду.

Причиной его фиаско стала не только утрата интереса к некогда вдохновлявшему его делу. Еще до того, как он взял меня на работу, он пережил большую трагедию. Как намекнул мне один из его компаньонов, то была воистину непоправимая катастрофа — и это все, что мне удалось выведать. Даже известный своей болтливостью старик Хардинг, человек, который провел больше времени в баре отеля Ритц-Карлтон, чем в своем ошеломляюще огромном кабинете, сказал, что это тайна, и он, как и другие, был приведен к присяге молчания. Я не знал, в чем заключалась эта глубокая и страшная тайна, но всегда подозревал, что падение Джулиана началось именно с нее. И это было не праздное любопытство, — мне хотелось помочь ему. Ведь он был не только боссом и наставником — он был моим лучшим другом.

А потом случился этот обширный инфаркт, который вернул божественного Джулиана Мэнтла на грешную землю и напомнил ему о том, что он всего лишь простой смертный. Утром в понедельник, прямо посреди переполненного зала заседаний №7 — того самого зала, где мы когда-то выиграли «Процесс века».

